

I. К мобилизации Общего Дела.

Современное человечество — накануне всемирно-исторического момента, когда, достигнув некоторого предела своего предыдущего развития, оно должно будет испытать радикальный поворот во всем историческом бытии. Это именуется обычно эрой или эпохой в движении мировой истории. И в этом одна из основных проблем современности: есть ли переходная критическая грань, которой мы достигли, эпохи или эра в человеческом бытии; один из поворотных моментов всемирно-исторического развития, или единственный среди этих моментов? Иными словами, это вопрос о размерах и смысле совершающегося в мире переворота.

Вся наша идеологическая установка покоится на том, несомненном для нас, положении, что человечество переживает момент исключительный по своему величию и размерам; что в наше время зарождается не новая эпоха, а новая эра всемирно-исторического бытия, знаменующая единственный по своей значительности поворот в человеческом развитии, с которым кончается некий изначальный период в этом развитии, и начинается радикально-новый период, означающий иной высший порядок человеческого существования.

И действительно, эпоха имеет лишь относительное историческое значение, эра имеет абсолютное значение, ибо она сама в известном смысле освещает все эпохи. Эпоха есть составное понятие, имеющее отношение к частям ряда явлений, эра есть предельное понятие, имеющее отношение ко всему ряду. Эра всегда знаменует собой Начало, эпоха в этом смысле

— только переход; начинаясь и заканчиваясь, она начинает и заканчивает лишь самое себя. Или, в ином разрезе, — эпоха есть отрезок времени, эра, в потенции — все времена, ибо она возвышается над ними. Ее надо измерять не временем, а вечностью. Как бы ни была велика эпоха, она имеет лишь частичное значение; — эра имеет значение всеобъемлющее. Она осмысливает и определяет собой всемирно-историческое развитие, тогда как эпоха только разграничивает его и варьирует собой. Эпох может быть множество. Эра может быть лишь одна.

Правда, для разных порядков существования может быть иная эра, хотя бы ложная или недействительная по своей недостаточной исторической значительности: эра христианских народов для магометан не есть эра; или, будучи эрой на прежних ступенях существования, она утрачивает это свое значение потом, вытесняясь более значительным явлением.

Но будучи или став таковой, эра, в качестве нового порядка бытия, возвышается над всем существованием, как его источник и предел, как начало и предназначение его. В отличие от эпохи, которая есть лишь культурно-исторический факт, эра есть факт заряженный новым нравственным принципом. Эпоха имеет лишь прагматическое значение, являясь понятием исторической классификации, эра имеет сверх того смысловое значение, будучи первоидеей исторических Сверхдений. Она будит пафос и надежду, знаменует собой обетование и луть. С ней, если она достигает всей своей значительности и оправдания, осуществляется подлинно Новая Земля и Новое Небо, достигается то, что в веках человечество чаяло и пред'ощущало, что призывало оно в своем неустанном творческом Утверждении.

Во всех этих понятиях и отношениях переживаемый нами критический и переходный момент знаменует собой эру в преимущественном и исключительном смысле. И если нет среди нас преобладающего и непосредственного ощущения этого, то причиной тому служат два обстоятельства, которые надлежит, особенно нам, постоянно иметь в виду. Первое вытекает из самой природы переходного, критического момента в историческом развитии. В качестве двустороннего, двуобращенного, — к прошлому и к будущему, он несет в себе не только рожде-

ние новых форм жизни, но и смерть старых, не только элементы пафоса, восхождения, но и элементы упадочности и разложения. Отсюда два полярно-противоположных типа людей, живущих бок-о-бок на грани этого момента: люди сумерок вчерашнего исторического дня — упадочники и декаденты, обскуранты исторического дерзания, опустошенные, озлобленные, разложившиеся и разлагающие других; и люди, осененные зарей нового исторического Дня, исполненные пафоса, надежд, чувств своего особого исторического призвания и значительности. Едва ли надо говорить, что мы целиком и безраздельно — в стане этих последних.

Таково первое обстоятельство. Второе представляет еще большие затруднения.

Все, самое значительное, складывается из мелочей. Величайшие сооружения строятся по кирпичу. Пирамиды состоят из отдельных камней. И тот, кто не способен окинуть сдлинным синтетическим взором все целое, ничего вообще не найдет в мире великого. Поэтому и великие эпохи можно по достоинству оценить, лишь отойдя от них на известную дистанцию. Современники, находящиеся в самой гуще такой эпохи, ослеплены ее мелочами и неспособны возвыситься до общих очертаний ее размеров. Они, подлинно, из-за деревьев таких мелочей не видят самого леса. В таком мы положении в отношении нашего времени. Тем не менее, возможно **отвлеченным усилием ума** возвыситься до действительных размеров переживаемого исторического момента. И тогда и современники могут понять, каково то время, в которое они живут.

Исключительным размером и величию нарождающейся в наше время новой высшей эры человеческого существования соответствует назревающий запрос на новый жизненный идеал, отвечающий этим размерам и величию нового периода исторического развития. Некоторой попыткой ответа на этот запрос и является утверждаемый нами новый жизненный идеал, который, — мы верим, — стоит на верном пути, соответствующем требованиям этого всемирно-исторического момента. Среди современной духовной опустошенности и отсутствия хоть сколько нибудь значительной синтетической идеи, этому запросу на новый идеал жизненного устройства пытается ответить и

современный коммунизм, выдающий себя чуть-ли не за панацею от всех зол переживаемых человечеством. В действительности, в своей чудовищной односторонности и патологической смещенности основных соотношений бытия, он представляет собой смертоносный суррогат запрашиваемого нового жизненного идеала, восприятие которого человечеством означало бы для него духовное самоубийство.

В свое время существовало такое суждение, что якобы коммунизм неосуществим потому, что он выше природы человека, что он утопичен в **положительном** смысле, в действительности он не осуществим потому, что он ниже природы человека, что он утопичен в **отрицательном** смысле. Если бы он победил действительно, это было бы величайшим поражением человека и подлинным изобличением его нравственного ничтожества, т. к. такая победа означала бы торжество в нем низшей скотоподобной природы.

В лучшем случае, правда коммунизма — **негативная** правда, являющаяся отрицанием **старой лжи**, в худшем — он представляет собой доведение до логического конца основной материалистической тенденции современной буржуазной цивилизации, стремящейся все угасить в духовно-нравственном идиотизме, все подчинить безраздельному торжеству абсолютного мещанства. Коммунизм же, больше того — это воинствующее мещанство. Мещанство же в состоянии агрессивности есть духовное хамство. И действительно, положительный идеал коммунизма это не что иное, как идеал рационального, благоустроенного хлева, в котором каждый имел бы свое обеспеченное, равнонаполненное стойло; это — мещанство скопом, равномерно распределенная буржуазность для всех; буржуазность, при том, возводящая себя в принцип, почитающая себя за единственно возможную и стоящую реальность.

Но следуя ложной, патологически-односторонней доктрине, последователи этого учения оказались бессильными осуществить и этот свой убогий и низменный идеал, несмотря на то, что все силы народа были подчинены одному материальному интересу: повидимому, извращенные законы жизни мстят за себя, и строй все упразднивший ради достижения одного материального благополучия, привел к небывалой нищете.

В результате мы являемся свидетелями величайшего идейного банкротства, которое когда либо имело место в истории идей. Действуя во имя блага народа, последователи этой доктрины на деле оказались его величайшими врагами, — в своей догматической ослепленности даже не подозревавшими о своей настоящей роли. Вместо братства они принесли братоубийство. Вместо раскрепощения — рабство; вместо царства социальной любви — царство всеобщей ненависти; вместо благополучия бедным — нищету всем. Действуя, якобы, именем и волей рабочих, они их превратили в безгласный рабочий скот, лишенный к тому же и того материального обеспечения, которым пользуется от своих хозяев последний. Нигде никогда в такой мере не попирались самые элементарные проявления человеческого достоинства, как здесь, где якобы восставали во имя его торжества и утверждения. Самое общее и абсолютное условие всякой возможности реализации настоящего призвания человека, его право на свободу творчества, на мысль на движущее и вдохновляющее слово, они втоптали в грязь и кровь, угасили без остатка в полицейско-террористическом государстве, все построившем на насилии, страхе, обмане и убийстве. Что же нужно сказать об этой идее, которую можно осуществлять лишь такими средствами и которой страшна всякая свободная мысль, всякое свободное слово?! А между тем, эту явно патологическую, гнусную, преступную идею-монстр пытаются выдать — и последователи, и некоторые из их неразумных противников, чуть ли не за высшее выражение человеческого прогресса, за едва ли не исход из современного культурно-исторического кризиса.

Вот с этим, безусловно самым страшным из всех зол коммунизма, и следует в первую очередь бороться. Недаром эту преступную версию, что коммунизм является чуть ли не последним выражением прогресса человечества, его стремлений к совершенному жизнеустройству, охотно поддерживают не только его последователи, но и все действительные враги человеческого развития, все самые темные, реакционные и отрицательные силы истории. Ибо в текущий всемирно-исторический момент, коммунизм объективно и по самой своей природе, играет роль своеобразной провокации внутри исторического про-

гресса, выступая якобы, от имени его и ради его торжества и тем самым, ужаснейшим образом его дискредитируя. Если теперь во всем мире подымается самая темная и злейшая реакция, то в значительной степени она есть продукт этой своеобразной провокации коммунизма, — что психологически вполне понятно, ибо если это есть прогресс, если это революции, если это заря завтрашнего дня, если это путь вперед к новым высшим формам жизни, то в ужасе и отвращении отшатнувшись от этого страшного исчадия буржуазно-материалистической культуры, взорвавшейся в катастрофической мировой войне, общественно-идеологическая мысль, естественно, должна либо уйти в виизм и пессимизм насчет вообще идеи исторического развития, либо броситься в объятия прошлых, более или менее, испытанных ценностей и идей.

Следовательно, в современном мире коммунизм является собой самую страшную угрозу историческому развитию именно в этом отношении, и борясь за торжество человеческого прогресса, за его движение вперед, необходимо с ним бороться прежде всего с этой стороны, изобличая его, как патологическую пародию на новый жизненный идеал, как подлинную провокацию внутри человеческого прогресса.

Мы, выдвигавшие синтетический идеал всякого положительного человеческого стремления, идею составляющую заветную мечту всего, что есть в человеке высокого, прекрасного, значительного и творческого, должны явиться, тем самым, носителями не только отрицательной, но и положительной борьбы с коммунизмом, представляя в сравнении с ним более высокую идею, соответствующую всемирно-историческому уровню и смыслу новой нарождающейся эры человеческого развития. Идея умирает тогда, когда она утрачивает свой нравственный ореол, а нравственный ореол она утрачивает, когда указана более высокая идея.

Идеи подобны источникам света: менее яркий из них становится невидимым, когда загорается рядом более яркий. Следовательно, идею можно победить лишь идеей, а для этого идея победительница должна быть более высокой и значительной, чем идея побеждаемая. В этом смысле в современном антикоммунистическом лагере мы являемся единственными, веду-

щими подлинную борьбу с коммунизмом, так как лишь мы действительно представляем более высокую и значительную идею.

В противоположность вульгарным материалистическим мечтаньям коммунизма, грезящего о благоустроенном царстве мещан, о торжестве всеобщей посредственности и пошлости, нам представляется грядущий «Золотой Век» человечества, как эра небывалого исторического напряжения, осуществления высшего призвания человека в мире, в творчестве реализующего свой Абсолют. В соответствии с достигнутой мощью человека и его творческим величием это будет эра мобилизации его в Общем Деле преобразования мира, творчески исполняющем его абсолютный Смысл.

Таким образом, наша переходная критическая эпоха представляет собой радикально-поворотный пункт в мировой истории не только в смысле направления, но и в смысле возвышения. В таком смысле начало христианского периода истории отнюдь не было действительной эрой исторического развития.

Ничего радикально нового — ни в отношении направления, ни в отношении возвышения, христианская форма сознания и жизни в сравнении с другими древними формами их, не принесла. Все основные элементы христианства, как известно, можно найти и до него, хотя адепты и воспринимали его, как начало новой эры исторического бытия.

Но судить надо не по субъективным восприятиям исторического переворота, а по его объективному смыслу и значительности. Наше время, именно, с таким критерием может быть признано, как время зарождения новой высшей эры человеческого существования. Область общего знания, философия, говорит, что бытие является подлинным бытием, когда оно становится субъективным бытием. В этом смысле мы присутствуем при рождении человечества впервые исторически, ибо впервые человек из объекта исторического развития пытается стать его субъектом, из продукта исторической закономерности подняться до организатора-творца ее. Это выражается в мощно пробуждающейся воле к организации мира, в назревшей исторической мобилизации человечества в Общем Деле преобразования бытия. Благодаря этому, наше время является моментом зарождения новой эры в ее наиболее прямом и собственном смысле.

Понятие эры есть определяющее **историческое** понятие: им отмечаются основные моменты истории, как таковой; а наше время представляет момент зарождения истории **в собственном смысле**, когда человек впервые, как выше сказано, из объекта исторического развития становится его суб'ектом, когда он впервые пытается стать владыкой своей судьбы.

Но активное объединение человечества в **Общем Деле** преобразования мира, в творческом осуществлении высших, гармонических форм жизни, является назревшей актуальностью не только со стороны предмета всемирно-исторического развития, но и со стороны носителя его.

В наше время происходит впервые рождение человечества, как такового. До сих пор история была историей лишь **народов**, в лучшем случае — комплексов народов, но она никогда еще не была историей человечества **в собственном смысле**, в смысле высшего культурно-исторического **организма**, как предельной индивидуальности исторического бытия. Человечество было лишь собирательным понятием, отвлеченной реальностью, которую мы создали в мысли, но которой не было в реальной действительности. Поэтому в отношении прошлого, действительно, правы те историки, как Шпенглер на Западе, у нас некоторые из славянофилов, которые не признавали реального значения за такими понятиями как «всемирная история», как «общечеловеческая культура» и проч., и утверждали историческую реальность лишь за «культурно-историческими типами», — замкнутыми качественно несоизмеримыми индивидуальностями.

Даже современные национализмы, поскольку они не перерождаются в шовинизмы, суть явления не столько отрицающие идею человечества, сколько **отрицательно ее** обуславливающие. Семья не была бы возможна без отрицательного условия существования полов. Современное народное хозяйство не возникло бы без хозяйственной дифференциации и всеобщего разделения труда. Такого рода примеры можно было бы привести из всех областей жизни. В этом смысле так же правы марксисты, когда они государство рассматривают как продукт дифференциации общества на классы. Чтоб возникло новое целое, надо чтоб прежние целостности стали частями, — тогда необходи-

мость их взаимодополнения и образует это целое. Индивидуализация не только не исключает универсализации, но обуславливает и вызывает ее. Поэтому, в частности, последняя эпоха исключительного утверждения личности, была в то же время эпохой возникновения множества коллективов и сяческих социальных связей.

Пресловутая антиномия индивидуального и универсального — ложная антиномия: она противоположность принимает за противоречивость и, естественно, что вместо необходимости отношений взаимодополнения у нее получаются отношения взаимоисключения. Мы поэтому элементы национализма и интернационализма не противопоставляем, а — в духе Третьего Решения — Синтеза, объединяем, что нам тем легче делать, что мы исповедуем идею русского мессианизма, которая по самому существу своему является националистически-универсалистической идеей. Мы верим, что как сегодняшняя Россия, в качестве Негатива, так грядущая Третья Россия, в качестве Позитива, явится тем центральным силовым полем новой истории, которое послужит средоточием рождающейся в наше время новой высшей эры исторического развития; и в качестве носителя этой новой высшей эры, она явится зародышем грядущего нового синтетического человечества.

II. Мы творяне

Это шествуют Творяне,
Заменивши «Д» на «Т»
Ладомира соборяне,
С Трудомиром на шесте.

(В. Хлебников. «Ладомир»).

Каждая эпоха в период своего восхождения выдвигает полприще и путь того или иного рода героизма. Зарождающаяся в наше время новая эпоха, которая по своему всемирно-историческому значению, как сказано было, знаменует собой но-

вую, высшую эру человеческого развития, будет эпохой **героической по преимуществу**, так как ее миросозерцание и соответствующее ему бытие, явится героическим в наиболее широком и собственном смысле, ибо здесь впервые совпадет путь стремления к идеалу человека с путем самого существования его.

Этим путем существования и путем подвига будет объединенное соучастие людей в Общем Деле преобразования мира, творческой гармонизации бытия. В этом, следовательно, вопреки героизма грядущей новой эпохи, и тем самым Творчество-Труд явится естественным путем его. Ибо преобразование мира, гармонизация бытия и состоят в Творчестве-Труде — в самом широком смысле, как источнике всякого создания и возвышения. Поэтому новая форма героизма будет самой высокой и интегральной формой его, озаряющей собой все существование людей и всю без исключения массу человеческого рода.

Уже средневековые монахи, вопреки себе, смутно сознавали, раскрывающуюся лишь в наше время, глубокую истину, когда говорили: *laborare est orare*, труд есть молитва. И кто, следовательно, приобщает себя Творчеству-Труду, достигает своего утверждения в Абсолютном.

Мы же должны предельно усилить и абсолютизировать это положение, сообщить ему высшее нравственное значение и пафос. Творчество-Труд есть основная функция, которой человек отличается от всех других живых существ, и в этом прежде всего состоит его богоподобие, ибо **создавая** он тем самым является Творцом.

Мы — Творяне, — создатели и промыслители бытия, источник становящейся новой жизни. Дети солнца и духовные преемники его, мы являемся двигателями и вдохновителями Земли, в Творчестве-Труде сообщающими ей высшее назначение и ценность. В этой функции своей человек — Демиург, второе, нравственное светило мира. В Творчестве-Труде он возжигает новый духовный свет, иля навстречу материальному свету солнца.

Творчество-Труд это не понятие, а движущая и всеопределяющая идея, не случайная возможность, а путь разрешения всех задач. И грядущее имя людей: Творяне — это опреде-

ление и хвала, пафос и самосознание новой высшей эры человеческого существования.

Люди грядущего — герои Труда, подвижники Творчества. Служители и творцы Общего Дела преображения мира, они осуществляют в нем жертвоприношение богов, жертвоприношение Творчества; ибо божеская жертва — жертва творца — творению и Человек в творчестве отдающий себя своему творению — Бог.

В Творчестве-Труде человек обретает себя, в нем он себя утверждает, в Творчестве-Труде он возвышается, в нем он, как человек, прославляется, побеждая и достигая себя, возвышая и преображая.

Творчество-Труд есть Борьба и Победа, оно есть то, чем человек выделяется. В нем он, совершенствуясь, преодолевается, жертвуя и отдавая себя, вновь и вновь рождается и умножает себя. Поэтому Творчество-Труд есть потребность и подвиг, оно есть служение и долг, средство и цель, путь и назначение, то, чем человек живет и утверждается.

В идее Творчества-Труда мы утверждаем мироорганизующее сознание всех атрибутов Человека-Творца и Зиждителя, Демиурга и Освободителя, Героя космоса и Победителя, осуществителя всякого Начала и Конца. Человек — мера вещей и их призвание, — в Творчестве-Труде их преобразующий, из себя и для себя их созидающий, их источник, возможность, оправдание и смысл, Хозяин космоса все собой определяющий, в Творчестве-Труде всем повелевающий, овладевая всем, все разрешающий и возвышающий все в себе и через себя.

Но сверх всего сказанного, человек в своем существовании и не может не творить, не может не создавать, если он не хочет разрушать, вести деструктивное существование. Все, что существует, подчинено всеобщей антитезе творчества и разрушения. Нет нейтральной позиции, нет безразличного положения, поступка, действия, ибо кроме положительного и отрицательного, добра и зла, — ничего вообще нет. Все, что существует — или разрушает или творит, являясь выражением положительного или отрицательного начала жизни.

Следовательно, кто не разрушает тот творит, и кто не творит, тот разрушает.

Все существующее должно быть, поэтому, мобилизовано в творчестве, в положительной акции, чтоб не быть демобилизованным в разрушении, в отрицательной реакции. Человечество должно быть сформировано в великую армию Творчества-Труда, подчинено всем своим существованием, актуализирующей его творческую мощь, исторической мобилизации. Введенное на чрезвычайное положение исторического Сверхения, оно должно стать лагерем Общего Дела преобразования мира, объединено в своем творческом порыве в величественный и грандиозный штурм своей судьбы, — штурм Будущего.

III. К третьей революции

В отношении существующего строя в России мы выступили с условной платформой Третьей Революции. Этим, в частности, определилось наименование нашего органа: «Третья Россия». Но сейчас мы переживаем момент, требующий особой актуализации этого положения. Близятся грозные времена для судеб России и решающие сроки для исторической проверки Революции. То и другое сплетаются в один сложный и трагически-противоречивый узел, который, если он не будет своевременно распутан теми, кто его завязал, русскому народу придется разрубить мечем Третьей Революции.

Из всякой большой исторической ситуации есть в конце концов всегда **три выхода**, поскольку всякая историческая ситуация является сложным соотношением трех времен: прошлого, настоящего и будущего, в которых протекает длительный исторический процесс. Эти три выхода из современного положения России состоят: либо на путях к **прошлому**, — в виде частичной или более полной, открытой или так или иначе прикрытой реставрации, — на путях **контрреволюции** — такова позиция большинства существующих антибольшевистских течений; либо на путях примирения и принятия — полного или частичного, прямого или косвенного, — того, что **есть**, на путях **соглашательства** с современной большевистской революцией,

— к этому сводится позиция другой части существующих идейно-политических течений; либо, наконец, на наиболее естественных путях, поскольку история есть процесс **необратимый**, — на путях к **будущему**, означающих революционное претворение и возвышение того, что есть, на путях новой, по нашей терминологии, Третьей Революции.

Мы пока что — единственная группировка, стоящая на этой, единственно **прогрессивной** позиции, наиболее трудной политически, но за то наиболее благодарной исторически, поскольку она всякое положение обращает в исходную точку для движения вперед.

При этом такая платформа Третьей Революции не есть вопрос произвольного выбора, вопрос доброго желания, которому может последовать кто угодно. В действительности этой платформе должна отвечать соответственная система идей, иначе это было бы простой игрой словами, не имеющей никакого реального значения. Мы действительно выдвигаем новую политико-идеологическую систему, предвосхищающую дальнейшие пути исторического развития. Тем самым, мы единственная группировка, указывающая положительный, как было сказано, **прогрессивный** исход из данного положения России.

Уже в первом номере нашего издания, в декларативной статье мы исходили из положения, что большевизм, как выразитель одной лишь **негативной** стадии Российской Революции есть уже «отработанный пар истории», исчерпанный и превзойденный этап исторического движения, предполагающего дальнейшую новую стадию свою. Следовательно, для нас платформа Третьей Революции — не только вопрос политической борьбы, но и органическая проблема исторического развития. Это вопрос не только тактики, но и идеологии, вопрос дальнейшей динамики исторического процесса, в котором большевистский революционный фазис явился лишь отдельным переходящим звеном.

Этим мы, однако, не предпрещаем пресловутой альтернативы между революцией и эволюцией. Всякая смена общ.-политических форм всегда в истории **принципиально** мыслима в виде и революции, и эволюции, выбор между которыми есть вопрос не **принципа**, а тактической целесообразности и реальной

возможности. — В этом смысле наша платформа Третьей Революции является **условной**. Тактически мы, принимая во **внимание внутреннее и особенно международное положение России**, предпочитаем эволюцию революции. Но признавая эволюцию более желательной, мы не считаем ее неизбежной, а лишь вероятной, при том, только в известных, не достигающих цели пределах. Тем самым, равнодействующая решения вопроса между путями революции и эволюции должна выразиться в некоем изнутри исходящем малом перевороте, перевороте «с короткой кровью», **которым затем откроется последующая творческая эпоха реформ**. Динамическое соотношение возможностей революции и эволюции в конкретных условиях современной России должно, следовательно, состоять в том, что эволюция подготовит собой переворот, переворот развяжет дальнейшую эволюцию. В совокупности же все это, будучи с тактической точки зрения комбинированной эволюционно-революционной платформой, с идеологической точки зрения явится платформой настоящей, подлинной революции, каковую мы и имеем в виду, говоря о грядущей Третьей Революции. Ведь и то, что достигается эволюционным путем, может по своей значительности быть равнозначным революции, — как, например, реформы у нас Петра Великого. И в этом идеологическом, а не тактическом смысле наша платформа Третьей Революции является не условной, а безусловной.

По своему характеру и составу задач эта грядущая **заключительная Третья Революция**, в качестве **Интегральной (Духовной) революции**, несущей и осуществляющей **Синтез**, завершающий одну эпоху и открывающий другую, — должна явиться **освободительной**, раскрепощающей творческие силы народа, и приобщающей **весь народ** к творчеству новой высшей жизни, **национальной**, утверждающей нацию, как движущую силу истории вместо потребительской, а не творческой категории класса, осуществляющей вместо лживого **классового мессианизма подлинный народнический мессианизм**; она должна быть **народной**, социально ориентированной на конструктивную и целостную категорию **трудящихся** (в русских условиях прежде всего — **крестьянство**), а не на частную и эгоистическую категорию пролетариата; **конструктивной**, переключ-

чающей революционные энергии из современной негативной их направленности в положительную, творческую; и наконец, главное: **духовной**, имеющей своим предметом новую культуру, нового человека, преодолевающей маразм современного материалистического сознания и его убогий и низменный жизненный идеал и утверждающей более высокий тип миросозерцания и жизненного идеала, соответствующий грандиозности и величию новой наступающей эпохи.

Последнее определение является наиболее значительным и радикальным, ибо именно здесь, в области сознания, в области духа коммунизм представляет наибольшую и наиболее отвратительную ложь, наиболее уродливое и чудовищное извращение. Если во всех других сферах существования дело может свестись к частичным реконструкциям и творческим реформам, то здесь должен произойти полный и подлинный переворот — очищающий, освобождающий и возвышающий, подлинная Духовная Революция — уже не в местном только, а во всемирно-историческом значении и смысле, ибо коммунизм, осуществив антибуржуазную **социальную** революцию, в области сознания как раз наиболее отвратительные идеи буржуазии довел до логического конца, до патологического предела. Таким образом, навстречу грядущей, величественной и грандиозной эпохе он пытается идти с самыми отвратительными, низменными и ничтожными идеями старой эпохи. И разлагая и снижая человечество этими идеями, он не приближает его, а удаляет от этой эпохи.

При этом, для нас это вопрос не только принципиальный, но и практический, ибо дело для нас идет о том страшном наследстве духовного снижения и огрубения, которое коммунизм оставляет нам на территории своего теперешнего господства. Поэтому грядущая Третья Духовная Революция для нас, прежде своих положительных задач — возвышения к новому высшему миросозерцанию, соответствующему величию и грандиозности новой наступающей эпохи, должна явиться генеральной чистой авгиевых конюшен материализма, — опошлившего, оподлившего, оскотинившего жизнь, во имя мещанского, скотского идеала предавшего и поправшего все, чем определяется и движется высшее достоинство человека. Железной

метлой и лопатой должен быть беспощадно вычищен весь накопившийся навоз материализма, все разлагающий и все опоганивающий, — чтоб на очищенной Земле, оскверненной нагло рассевающимся на ней мещанином-хамом-хулиганом, возможно было посадить великое дерево грядущего Нового Человека, Человека-Прометей-Победителя-Творца-Демидурга-Героя-Освободителя.

IV. Об искуплении нашей трагедии

Все выше означенные определения грядущей Третьей Революции должны явиться предпосылками к той исторической мобилизации в Общем Деле преобразования мира, прометеевский Подвиг которого явится содержанием новой высшей эры человеческого существования.

Большевизм со своей негативной исторической миссией, расчистивши поле, должен по необходимости уступить место новым людям, исполненным положительного конструктивного пафоса. Следовательно, его преодоление должно явиться не срывом мощно взведенной исторической кривой, а ее перемещением в высший и положительный план исторического Свершения. На пепелище сгоревшего старого мира должен и может быть воздвигнут лишь новый мир. После именно такого негативного типа революции, при том со столь беспримерной длительностью и интенсивностью, все пути какой бы то ни было реакции в России заказаны навсегда. Новая пореволюционная Россия может быть либо поприщем строительства новой высшей культуры, либо культурной пустотой, годной лишь как объект для колониальных стремлений. Как и всегда было, в будущем в особенности, **Россия может быть великой или никакой.**

При том, если бы после всего того, что было пережито, после моря страданий и крови, небывалых жертв, величайшей трагедии народа, все принесшего без остатка на созидающий

алтарь Истории, — все это кончилось простой реакцией: какой либо шутовской монархией или буржуазно-капиталистической лавочкой, к тому же близкой и там, где она существует к состоянию банкротства, то это было бы страшным и невыносимым поражением самой идеи исторического развития, полным крахом веры, что история имеет хоть какой либо положительный смысл.

При том же грандиозном замысле и мощном прометеевском стремлении, с которыми русский народ начал свою, величайшую в мировой истории, революцию, лишь мы несем Идею, способную этот замысел выразить и осуществить, явиться искуплением всех тех гекатомб жертв, которые принесены в этой великой трагедии. Среди убожества и пустоты современного идейного мира и небывалых возможностей самой действительности, лишь мы несем Идею, достойную объективного уровня современного человечества и озаряющую высшим смыслом предельной значительности то, что скрыто совершается в мире.